

Труд, 1984, 15 апр

БЕСЕДЫ В МАСТЕРСКОЙ

РЕАЛИЗМ ПЛЮС ВИРТУОЗНОСТЬ

...Выскочит вдруг из-за спины скрипача цыган да так заплачет, будто бес у него в ногах сидит. Потом объявится глупенький хлопец в обнимку с Зеленым Змием, и причудится ему всякая чертовщина. И когда в клубах дыма верхом на чертах вылетят на сцену ведьмы и начнется бешеный трюковой танец, зрители будут следить за ним завороченно: наверное, именно так и пляшут настоящие черти и ведьмы...

За кулисами Концертного зала имени Чайковского пересказываю свои зрительские впечатления Игорю Александровичу Моисееву — автору и постановщику новой программы. Государственный академический ансамбль народного танца СССР, которым руководит И. Моисеев, впервые показал ее в Москве.

— Игорь Александрович, если первое отделение — «В гостях и дома» — выглядит достаточно традиционным для ансамбля, то второе — «Ночь на Лысой горе» — кажется неожиданным и по идее, и по хореографии, и даже по тому, какой отклик встречает у зрителей. Эта программа как бы вышла из рамок народного танца. Значит ли это, что ГААНТ выбрал новое направление в работе?

— Я бы сказал точнее: поднялся на новый уровень. Лично мне не кажется, что новая программа «взялась ниоткуда», а уж тем более — что ансамбль вышел за рамки народного танца. Эти рамки слишком широки. Взять хотя бы саму тему: ведьмы, черти, шабаш на Лысой горе — чистейший фольклор. А начинается второе отделение, как вы помните, народными сценами на ярмарке. Наряженная в украинские костюмы толпа, «настоящий» бродячий оркестр на сцене... Атмосфера создается праздничная и очень реалистичная, в традициях нашего ансамбля. Затем — с пляски цыгана — начинается подготовка к чему-то необычному. Вспомните Гоголя — «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Вий» — у него фантастическое тесно переплетается с реальным. Мы также постарались оправдать переход из мира реального в мир сказочный. Остались ли мы при этом в русле народного танца? Думаю, да.

Трюки, виртуозные движения, которые так понравились публике, не являются для ансамбля чем-то принципиально новым. Но обычно трюк тщательно скрыт за тканью народного танца. Мы всегда старались, чтобы виртуозная динамика привлекала не сама по себе, а работала на образ. В этом одна из принципиальных установок ансамбля. Например, был у нас такой номер — «Партизаны». «Бой» на сцене шел горячий. В момент его кульминации девушка-партизанка, держа в руках автомат, на коленях вертелась по кругу, как бы отстреливаясь от наседающих со всех сторон врагов. Трюк этот сам по себе вам покажет любой кавказский ансамбль народного танца. Но у нас он был психологически, сюжетно оправданным и неизменно вызывал аплодисменты. Так и в нынешней сцене шабаша каскад трюков, сложнейших поддержек вызван не столько желанием продемонстрировать блестящую технику исполнителей, сколько желанием создать по-гоголевски достоверные образы, если угодно, характеры ведьм и чертей.

— Однако трюки трюками, а все второе отделение скорее назовешь одноактным балетом модерн, нежели стилизацией народного танца.

— Действительно, я, как хореограф, использовал и возможности танца модерн, и эксцентрический танец, и акробатику. Но и это не оказалось для ансамбля новацией, как и не было самоцелью. Еще в пятидесятые годы, когда по всем странам прокатилась первая волна рок-н-ролла, мы возили на гастроли в Соединенные Штаты номер, который назывался «Назад к обезьяне» — внешне очень эффектный. В то же время мы

вовсе не собирались поразить американцев тем, что русские блестяще владеют современной пластикой. Это была сатира на стиль тогдашней танцевальной моды. Доля подобной иронии есть, конечно, и в новой программе.

— Однако внимание зрителя на этом не акцентируется.

— Потому что перед нами другие задачи. Мы хотим полно раскрыть выбранную тему. Вы, наверное, обрадвали внимание, ГААНТ никогда не преподносил народный танец как фотокопию русского, украинского или, скажем, испанского фольклора. Время меняется, меняются и люди. Если современный человек будет видеть на сцене то, что не соответствует его сегодняшнему ощущению ритма, то решит, что пришел не на концерт, а в музей, в танцевальный паноптикум. В то же время хореограф должен дать возможность зрителю ощутить связь с национальными корнями. Ведь от них в конце концов происходит любое современное миро- и ритмоощущение. Тут-то и встает вопрос — как этого добиться? Какие средства использовать? Где грань между национальным и универсальным в танце? Между реальностью и фантастикой?..

— Очевидно, аналогичные проблемы стоят перед современным танцем вообще?

— Да, но не всегда успешно решаются, к сожалению. Наша хореография традиционно опирается на два столпа — классику и характерный танец. Разница между ними в высшей степени существенная. Когда танцовщица поднимается на пуанты — это означает, что персонаж уходит в мир чувств, мечты, фантастики. Танец характерный — мир реальности. Это соотношение между реальностью и фантастикой дает возможность чудесного преображения, которое нужно для того, чтобы балет мог «поднять» любую тему. Пластический образ, построенный только на реальности или

только на фантастике, будет условным в худшем значении этого слова. Появление классического танца на пуантах тем обогатило искусство балета, что дало такой ключ, который каждому зрителю позволяет понять: сейчас персонаж уходит в свой внутренний мир. Современные хореографы часто забывают о необходимости соотносить реальное и фантастическое. Характерный танец почти исчез из постановок, что часто приводит к некоторым несообразностям. Если, скажем, Золушка станет чистить кастрюли и прибирать дом, танцуя на пальцах, это само по себе будет натяжкой. Но главное — не произойдет чудесного превращения в принцессу, когда фея взмахнет волшебной палочкой. Ведь Золушка уже была на пальцах. И вся метаморфоза сведется к перемене костюма...

Другая профессиональная проблема, я считаю, состоит в том, что балетмейстеры иногда пренебрегают искусством сценографии. Умение «писать людям» имеет огромное значение. Сделать так, чтобы огромная масса актеров на сцене органически переливалась из одного рисунка в другой, «не царапая глаз», — необходимо. Это элемент достоверности.

— Если поименить все сказанное в вашей новой программе...

— ...то станет понятным, откуда взялся танец модерн и масса виртуозных трюков в фантастической сцене шабаша. Та тщательность, с которой подготовлен и сценографически выписан переход от мира реального к сказочному.

— Собираетесь ли вы подготовить, так сказать, вторую «Ночь на Лысой горе»?

— Я пока не хотел бы говорить об этом. Но одно, конечно, очевидно: мы не имеем права снизить достигнутый уровень. Тема следующей программы уже найдена. Возможно, она тоже покажется зрителям неожиданной. Тем не менее направление работы ансамбля остается прежним: реализм, психологическая достоверность пластического образа и действия, виртуозность исполнения.

Беседу вел В. ВОСТРУХИН.

На снимках: Игорь Моисеев (слева) смотрит «Ночь на Лысой горе».

Фото Т. МАКЕЕВОЙ.

